

УДК 94(37).08

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-431-442

**«IN OMNIBUS DEO BENE PLACENTES»: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
ПОВЕДЕНИЯ СЕНАТОРОВ-ХРИСТИАН IV–V ВВ.****«IN OMNIBUS DEO BENE PLACENTES»: ECONOMIC BEHAVIOR STRATEGIES
OF CHRISTIAN SENATORS OF THE 4TH– 5TH CENTURIES****Е.С. Зайцева****E.S. Zaitseva**

Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, 620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51

Ural Federal University name 1st President of Russia B.N. Yeltsin,
51 Lenin avenu, Ekaterinburg, 620000, Russia

E-mail: zajceva-evgeniya@list.ru

Аннотация

В статье анализируется экономическое поведение римских сенаторов, принявших христианство на рубеже IV–V вв. Проводится сравнение имущественного благосостояния язычников и христиан. Автор приходит к выводу, что обращение в новую религию ускорило процесс «обеднения» позднеримских сенаторских *gentes*. Они, попадая под влияние христианских менторов (Иеронима Стридонского, Паулина Ноланского, Аврелия Августина), распродавали *domus* в Риме и имения в провинциях, финансировали строительство *xenodochium* и титульных церквей, активно участвовали в благотворительной деятельности. Для части сенаторского сословия принадлежность к политической элите оказалась менее значимой, нежели включенность в религиозную и интеллектуальную жизнь, связанную с христианством.

Abstract

This paper discusses the economic behavior of the Roman senators who converted to Christianity at the turn of the 4th – 5th centuries AD. The author compares the property welfare of pagans and Christians. Certainly, a complex of reasons caused the «impoverishment» of the Roman senators: the loss of provincial estates as a result of barbaric invasions, the general impoverishment of state resources, increased taxation, funding of *circenses* for citizens, euergetism. However the adoption of a new religion accelerated the process of «impoverishment» of the late Roman senatorial *gentes*. Getting under the influence of Christian mentors (St. Jerome, Paulinus Nolanus, Aurelius Augustinus), they sold *domus* in Rome and estates in the provinces, financed the construction of *xenodochium* and titular churches, actively participated in charitable activities. It did not cause rejection of the aristocrats because it was a continuation of the practice of patronage. The institute of secular patronage was in crisis during this period. And the bishops did everything to get rich Roman patrons into one's folds. For a part of the senatorial class, belonging to the political elite turned out to be less significant than involvement in the religious and intellectual life associated with Christianity.

Ключевые слова: Поздняя античность, римские сенаторы, христианство, западная Римская империя, христианский эвергетизм и патронат, титульные церкви.

Key words: Late Antiquity, Roman Senators, Christianity, Western Roman Empire, Christian Euergetism and Patronage, Titular Churches.

В последние века существования в западной Римской империи важной исторической силой стало христианство, превратившееся в течение IV в. из гонимой религии



в государственную. Процесс христианизации римского общества¹ и, в частности, аристократии² подробно изучен в историографии, став особенно популярным после публикации работы П. Брауна [Brown, 1971] и ряда других приверженцев концепции поздней Античности, которые сделали в своих исследованиях акцент на культурных изменениях в обществе, связанных с принятием новой религии.

Христианство неизбежно отразилось на повседневной жизни его адептов. Аммиан Марцеллин в «Res Gestae»³, наиболее информативном историческом сочинении, посвященном жизни позднеантичного общества, проводил мысль о том, что «людям, стремящимся к сану епископа, есть за что бороться. Ведь по достижении этого сана им предстоит жить в благополучии, обогащаться *добровольными пожертвованиями со стороны матрон*⁴, расхаживать в великолепных одеяниях и разъезжать в прекрасных экипажах, задавать пиры столь роскошные, что яства их превосходят императорский стол...»⁵ (Аmm. XXVII.3.14–15). Со стороны христианских авторов о подобных же явлениях в своих письмах говорит Иероним Стридонский, особенно активно общавшийся с представителями римской аристократии и поощрявший такие дары в пользу церкви⁶. Действительно, аристократы-христиане, благодаря своему высокому положению и финансовой состоятельности, получили возможность общаться напрямую с высшим клиром, в том числе с Отцами Церкви и епископами. Поэтому в статье хотелось бы обратиться к вопросу о том, какое влияние принятие христианства оказало на имущественное благосостояние сенаторского сословия; насколько замечание Марцеллина о расточительности сенаторов в пользу епископов оказалось соответствующим действительности.

Традиционно сенаторское сословие являлось богатейшим слоем римского общества. Сенаторы владели лучшими землями, в их собственности находилось множество рабов, а дома размещались в историческом центре Рима. Для попадания в высшее сословие кандидату было необходимо преодолеть имущественный ценз, составлявший со времен Октавиана Августа 1 млн сестерциев (Dio LIV. 17; Suet. Aug. 41; Tac. Ann. I. 75, II. 37).

Следствием кризиса, охватившего империю в течение III в., стало обнищание основной части населения. Происходило повсеместное обесценивание денег и, как итог, стремительный рост цен. Не случайно одной из основных реформ Диоклетиана, предпринятых для стабилизации государственной жизни, стал «Эдикт о твердых ценах», изданный им в 301 г. Он являлся попыткой зафиксировать максимальные расценки на основные продукты питания, сырье, одежду и услуги, установить твердый размер оплаты труда для основных видов ремесленной деятельности. «Эдикт о твердых ценах» утверждал некую среднестатистическую «нормальную» стоимость товаров и услуг с точки зрения государственной власти [Уильямс, 2014, с. 156–195].

Во всем государстве происходил спад коммерческой деятельности, вызванный постоянной опасностью, которой подвергались наиболее богатые и развитые в экономическом

¹ Обзор зарубежной и отечественной историографии по данному вопросу см.: [Ведешкин, 2014, с. 34–75].

² Христианизации римской аристократии посвящен огромный пласт литературы. См., например, раздел, посвященный христианизации сенаторов, в недавно вышедшем сборнике: [Pagans and Christians in Late Antique Rome, 2016, p. 11–114]; см. также: [Novak, 1979, p. 271–310; Barnes, Westal, 1991, p. 50–61; Barnes, 1995, p. 135–147; Curran, 2000, p. 260–320; Salzman, 2002].

³ Аммиан часто навлекает на себя критику из-за «пристрастности» по отношению к сенаторской аристократии Рима и чрезмерного изобличения пороков высшего сословия города. См., например: [Cameron, 1964, p. 5–28; Kohns, 1975, p. 485–491]. В противовес Л. Руджини предполагает, что критика Аммиана могла относиться не ко всем представителям сенаторского сословия, а была направлена в адрес отдельных персонажей, в частности Меммия Витразия Орфита [Cracco Ruggini, 2003, p. 371–372].

⁴ По поводу благотворительной деятельности со стороны римских матрон, см.: [Consolino, 1989, p. 969–991; Elm, 1996, p. 25–60].

⁵ Здесь и далее Аммиан Марцеллин приводится в переводе Ю. Кулаковского, А. Сонни.

⁶ Говоря о воспитании Павлы, дочери Токсоция и Лэты, Иероним пишет: «Рожденная вследствие обета должна жить так, как жили те, которые были рождены по обету... Пусть она воспитывается в монастыре, вступит в лики дев... не имеет понятия о мире... Если пришьлешь Павлу, даю торжественное обещание, что сам буду лично и учителем ее, и воспитателем» (Jer. Ep. 107).

отношении провинции Галлии, Малой Азии, Сирии, Причерноморья, Африки. Как свидетельствует Геродиан, «некто весьма круто управлял Карфагенской страной и вместе со всевозможными жестокостями завел штрафы и денежные поборы, желая быть на хорошем счету у Максимиана... Тогдашние управители казны, если они в редких случаях и оказывались честными, то все же, имея перед глазами опасность и зная о его сребролюбии, невольно подражали остальным»¹ (Herod. VII. 4.2). У населения отсутствовала хоть какая-то уверенность в завтрашнем дне, желание возделывать земли, разоренные в результате затянувшегося периода «солдатских императоров» (235–84 гг.) [Ростовцев, 2001, с. 184–186].

Таким образом, с одной стороны, длительная гражданская война, а с другой, постоянная угроза варварских набегов сделали свое дело: основная часть населения империи находилась в состоянии бедности. Однако нам представляется недопустимым полностью распространять этот вывод на самых состоятельных граждан Римской империи – сенаторов. Их положение к концу III в. тоже изменилось, но не так резко.

Обстоятельства разбросали членов сенаторских семейств по разным полюсам богатства и бедности. С одной стороны, значительная часть старых патрицианских родов выродилась к началу и в течение кризиса III в. Этому поспособствовало множество факторов, в том числе и политика принцепсов, когда в результате проскрипций или по прихоти отдельных правителей, возбуждавших дела по обвинению в государственной измене или заговоре против императора, гибли целые семейства; множество свидетельств об этом сохранилось еще у Тацита (Tac. Ann. II.31, III.15, VI.26). В основном представители старых сенаторских семейств смогли сохраниться по женской линии, то есть их прямых потомков в период поздней империи практически не осталось.

С другой стороны, часть представителей сенаторского сословия все же смогла выжить, и в целом положение таких «старых» фамилий к началу IV в. оставалось финансово благополучным. Собственность этих сенаторов за время кризиса III в. не пострадала. Скорее, наоборот, воспользовавшись анархией в государственном управлении, они не только сохранили, но и смогли приумножить ее. Избавленные от бремени муниципальных сборов, представители римской знати увеличивали свои земельные владения, доставшиеся им от предков [Ростовцев, 2001, с. 185]. Таким образом, сенаторское сословие поляризовалось: на одном полюсе находились обнищавшие представители старых фамилий, сходявшие с политической арены, на другом – баснословно богатые сенаторские семейства, сумевшие приспособиться к ситуации и извлечь экономические выгоды из дестабилизации. Кризис III в. пополнил ряды сенаторской аристократии новыми членами, теми, кто смог выдвинуться в период смуты и передать свой высокий статус потомкам. Эти *homo novus* по своему финансовому положению стремились примкнуть как раз к членам старых сенаторских родов, при любой возможности увеличивая свое благосостояние. К «старой аристократии» мы отнесли фамилию Анициев (Anicii) вместе с ее «боковыми ответвлениями» – Петрониями (Petronii), Бассаами (Bassi) и Олибриями (Olybrii)²; Валериев – Арадиев (Valerii Aradii); Цезониев (Caesonii); Нуммиев (Nummii); Вириев (Virii); Веттиев (Vettii)³. К сенаторам, возвысившимся в течение кризиса III в. и позже, принадлежали Цецины Сабинины (Caecini Sabini), в начале IV в. плотно инкорпорировавшиеся в семью Цейониев Руфиев (Ceionii Rufii); Цейонии Юлианы (Ceionii Iuliani); союз Флавианов – Симмахов (Flaviani Symmachi), к которому в конце IV в. присоединились Никомахи (Nicomachi); Турции (Turcii); Деции (Decii). На чем же основывалось благополучие сенаторских семей?

Нормой для сенаторов было владение множеством поместий в традиционных сенаторских провинциях – Африке, Ахайе, Испании. Поскольку в этих регионах сенаторы занимали руководящие должности из поколения в поколение, вполне логично, что они

¹ Пер. М.В. Скржинской.

² По поводу объединения Анициев и Петрониев в один клан см.: [O'Donnell, 1981, p. 136–141; Cameron, 2012, p. 133–136].

³ Критерием отбора стало время занятия представителями семей высших сенаторских должностей – консульства и городской префектуры, см.: [Mennen, 2011, p. 74, 83–134].



успели обзавестись там виллами. Кроме того, сенаторы имели поместья в Италии¹. Во время принципата императоры неоднократно издавали специальные постановления, регламентирующие этот сегмент сенаторского землевладения. К примеру, при Траяне всех кандидатов на должность квестора и, следовательно, на место в сенате обязали инвестировать треть своей собственности в италийскую землю (Plin. Ep. VI.19).

Часть сенаторских семейств действительно обладала баснословными богатствами. Известный философ и общественный деятель второй половины IV в. Квинт Аврелий Симмах (Q. Aurelius Symmachus Eusebius 4)² «имел три больших дома в Риме, дом в Капуе, 15 вилл, из которых 3 были расположены недалеко от Рима, а 12 – на юге Италии. Кроме того, он имел приносящие доход имения в Семниуме, Апулии, Сицилии и Мавретании» [Шкаренков, 2004, с. 13]. При этом историк Олимпиодор, посетивший Рим после разграбления города вестготами в 410 г., отмечает, что Симмах был вовсе не самым богатым сенатором по меркам римских аристократов: «Симмах, логограф, сенатор со средним достатком...»³ (Olympiod. fr. 44).

Этот же автор дает нам возможность понять, что представляли собой сенаторские резиденции в Риме середины IV в.: «Каждый из больших домов ... включает в себя все, что может иметь средних размеров город» и далее – «дом – это город: в столице же тысячи городов» (Olympiod. fr. 43). В обычном городском поместье римского богача находился ипподром, форум, храмы, фонтаны и всевозможные бани⁴. Все это великолепие содержалось на средства, получаемые от имений в провинциях: «Многие римские дома получали от своих владений по сорок кентинариев золотом ежегодно, кроме хлеба, вина и прочих продуктов, стоимость которых, если бы их продать, равнялась трети вносимого золота. Доход же второстепенных домов в Риме равняется пятнадцати или десяти кентинариям»⁵ (Olympiod. fr. 43).

Приведенные сюжеты говорят о том, что в IV в. существование сенаторского сословия было довольно стабильным, варварскую угрозу все еще удавалось обуздать, и вроде бы ничего не предвещало беды. Однако примерно с середины IV в. в источниках, в том числе эпиграфических, мы все чаще встречаем свидетельства о том, что члены сенаторского сословия начали обращаться к христианству. И как оказалось, в перспективе эта новая религия подточила финансовое благополучие сенаторского сословия. Чтобы лучше понять этот процесс, рассмотрим вкратце религиозную аффилиацию каждой отдельной семьи.

Среди представителей Валериев – Арадиев мы находим двух христиан – Валерия Севера (Val. Severus 29), префекта Рима 382 г., и его сына Валерия Пиниана (Valerius Pini- anus 2)⁶. У Валерия Севера был еще один сын, Север (Severus 2), однако являлся ли он христианином, неизвестно. После смерти отца между братьями разгорелась усобица по поводу наследства. Валерий Пиниан в возрасте 17 лет женился на Мелании (Melania 2), два их ребенка умерли еще в младенчестве (V. Mel. Gr. 1, 5, 6; Pall. Hist. Laus. 61), и они решили посвятить дальнейшую жизнь религии, занимаясь благотворительностью и иными делами. Семья вращалась в кругах видных теологов, в частности, они вступили в кружок римских аристократов-христиан, основанный Паулином в Ноле. Кроме того, Мелания и Пиниан часто проводили время в благочестивых путешествиях и паломничествах. Известно, что незадолго до 410 г. они сопровождали Альбину (Albina 2), мать Мелании, в Африку, некоторое время проживали в Гиппоне, затем отплыли в Египет и, наконец, поселились в Иерусалиме (V. Mel. Gr. 20, 34, 35). На все эти предприятия требовалось немало

¹ Подробное описание сенаторского поместья IV в. в Бруттии (Bruttii) см.: [Bruni, 2009, p. 30–87].

² Здесь и далее в скобках приводятся имена сенаторов с соответствующим номером по «Просопографии поздней Римской империи» [Jones, Martindale, 1971; Jones, Martindale, 1980].

³ Здесь и далее Олимпиодор приводится в переводе Г.С. Дестуниса.

⁴ Описание сенаторских domus в Риме см., например: [Hillner, 2003, p. 129–145; Barbera, Palladino, Paterna, 2008, p. 75–98, 349–354]. Расположение некоторых сенаторских домов в Риме см.: [A New Topographical Dictionary of Ancient Rome, 1992].

⁵ Кентинариями называли золотые монеты весом сто ливров или римских футов. Он равнялся примерно 32,7 кг золота. Кентинарий золота, таким образом, представлял собой довольно значительную сумму.

⁶ Его приверженность к христианству основана на надписи ILCV 1592.



средств, и они у Пиниана имелись, ведь его богатство едва не стало причиной получения им поста священника в Гиппоне (Aug. Ep. 125-6)¹. Пиниан унаследовал часть средств своего отца. Другая часть отошла брату Северу. Видимо, Север был против того, чтобы имущество уходило из семьи и растрачивалось на благотворительность, поскольку выступал против продажи собственности Пинианом и Меланией, что и стало причиной конфликта между братьями (V. Mel. Gr. 10, 12).

Аниции достигли высот могущества при Константине, когда благодаря усилиям Аниция Юлиана (Amnius Anicius Iulianus), Аниция Паулина (Sextus Anicius Paulinus), Юлиана Аниция Паулина младшего (Amnius Manius Caesonius Nicomachus Anicius Paulinus iunior) префектура Рима почти на целое десятилетие оставалась «закрепленной» за семьей, кроме того, все они были консулами. Однако к середине IV в. их дела явно пришли в расстройство – вплоть до 370-х гг. ни один Аниций не занимал высоких должностей в Риме. Именно в момент упадка появился Секст Клавдий Петроний Проб, ставший консулом в 371 г. и объявивший себя в одной из надписей «Sexto Petronio Probo Aniciae domus culmini...» (C.I.L. VI. 1753). Петроний не был Аницием по прямой линии, а женившись на представительнице рода, переживающего не лучшие дни, предпочел назначить себя «покровителем» дома Анициев, взяв на себя роль главного наследника семьи [Cameron, 2012, p. 133–136]. Борьба за лидерство внутри рода, вероятно, и обусловила принятие Аницием Авхением Бассом (Anicius Auchenius Bassus 11) христианства. Он объявил себя в противовес Петронию Пробу «restitutore generis Aniciorum» («реставратором рода Анициев») и стал христианином уже в конце IV в. (Coll. Avell. 2.84–85), предпочтя религию, которой покровительствовали императоры, вере предков. Аниция Фальтония Проба (Anicia Faltonia Proba 3), проживавшая в конце IV – начале V вв. в Риме, также была уже истовой христианкой. Вскоре после разграбления Рима в 410 г. она переехала в Африку (Jer. Ep. 130.7). Унаследовав довольно обширные поместья в Азии, Аниция завещала доходы от них для поддержки духовенства, бедняков и монастырей.

Женщины из рода Цейониев Руфиев уже в середине IV в. принимали христианство с охотой. Они вели активную переписку с ведущими теологами IV в. и чувствовали себя в среде христиан «на своем месте».

К середине V в. начался переход в христианство и мужчин. Руфий Антоний Агриппний Волузиан (Rufius Antonius Agripnius Volusianus 6) с рождения был язычником, однако отторжения у него христианское учение, по-видимому, не вызывало. Он состоял в переписке с Августином, обсуждая религиозные вопросы (Aug. Ep. 16), однако сам не торопился принимать новую религию. В 436 г. Волузиан в связи с женитьбой императора Валентиниана III отправился в составе посольства в Константинополь. Во время путешествия он заболел и под влиянием племянницы Мелании, христианки, сменил веру. Руфий Антоний Агриппний Волузиан умер в начале 437 г. под именем Епифаний (V. Mel. Gr. 50–55; V. Mel. Lat. II. 19–24). Трудно сказать, насколько он сам желал перейти в новую религию, однако в этом случае можно допустить искренность принятого им решения. Следующие поколения мужчин в роду были уже христианами.

Цецины Сабини, посредством матримониальных отношений вошедшие в семью Цейониев Руфиев, также принадлежали к христианским кругам.

Цейонии – Юлианы оставались язычниками приблизительно до последней четверти IV в. Два последних известных представителя фамилии – Цейоний Камений (Caecionius Camenius 2) и Цейония Фусциана (Caecionia Fusciana), брат с сестрой, предположительно, дети Алфения Цейония Юлиана Камения (Alfenius Ceionius Iulianus Kamenius 25), стали христианами (C.I.L VI 21787 = D 08533 = ILCV 00096 = AE 1994, 00111). Нельзя сказать точно, связано это или нет, но они не вступили в брак и не оставили потомков. Причины назвать сложно,

¹ Христианские общины испытывали нужду в богатых покровителях и иногда, чтобы заполучить такого человека, прибегали к не совсем обычным методам. Дж. Харрис приводит случай из письма Иеронима, согласно которому некий богатый сенатор Паулин был без его согласия возведен в сан епископа в Барселоне в 394 г. Затем этому аристократу пришлось бежать в Нолу [Harriss, 2003, p. 126].



однако семья угасла. Возможно, на этот процесс повлияло обвинение в колдовстве и занятиях магией нескольких членов семьи в период между 368 и 371 гг. (Amm. XXVIII.1.27)¹.

Род Турциев был сторонником традиционных верований еще во второй половине 70-х гг. IV в., поскольку Луций Турций Секунд Астерий (Lucius Turcius Secundus Asterius 6) в 376 г. занимал должность квиндецемвира священнодействий (C.I.L. VI. 31118). Однако вскоре ситуация в семье изменилась, и она довольно показательна. Их фамильное поместье *Domus Turciorum* («Дом Турциев») располагалось на Эсквилине, рядом с базиликой Св. Сильвестра и Мартина. На территории виллы был обнаружен в 1793 г. «Эсквилинский клад». Он очень хорошо исследован и еще в начале XX в. включен в каталог Британского музея, составленный О. Дальтоном [Dalton, 1901, p. 61–77]. Частично позолоченные шкатулки Проекты², богато украшенные изображениями, выполненными еще в языческом стиле, но с христианскими надписями, украшения, серебряные кувшины, сосуды, кухонная утварь – все эти сокровища принадлежали Проекте (Proiecta) и ее мужу Турцию Секунду (Turcius Secundus 4). Опасность варварских вторжений и разграбления Рима вынудили их закопать свое имущество в землю, что и позволило ему так хорошо сохраниться.

Секунд и Проекта стали первыми христианами в семье Турциев. Их обращение в новую веру произошло примерно в конце IV в. [Dalton, 1901, p. 64]. Показательно, что в этот момент, стараясь спасти свое имущество от разграбления готами, они не продали свои сокровища, чтобы пустить деньги на благотворительность, а закопали, надеясь впоследствии вернуть. Христианские принципы «раздать все бедным» еще не укоренились в семье. Видимо, отдавали на благотворительность те, на кого наибольшее влияние оказывали проповедники. Эта же семья на тот момент близко с ними не общалась. А вот брат с сестрой Астерий (Asterius 3) и Эвномия (Eunomia), потомки Проекты и Секунда, более ревностные христиане, рожденные в семье, обращенной уже в течение нескольких поколений, «...во всем угождавшие Богу. Они легко и скоро обратились от жизни рассеянной и роскошной к жизни добродетельной и воздержанной, за что удостоились христианской кончины»³ (Pall. Hist. Laus. CXXXIV). Они, общавшиеся близко с Паулином Ноланским, продали дом в Риме и переехали в Нолу, где вошли в «кружок» христиан знатного происхождения, организованный Паулином (Paul. Nol. Carm. XXI. 313–325). Таким образом, из типично языческой семьи в начале IV в. Турции превратились в искренних христиан, утратив при этом довольно видное положение в Риме.

Остальные сенаторские семьи – Цезонии⁴, Нуммии⁵, Вирии⁶, Веттии¹, клан Флавианов – Симмахов – Никомахов² – к концу IV в. христианства еще не приняли³, оставаясь до последней возможности сторонниками языческих верований.

¹ По поводу подобных обвинений как способе смещения политических конкурентов см.: [Barnes, 1975, p. 40–49].

² Изображение и описание шкатулки см.: [Dalton, 1901, p. 61].

³ Перевод приводится по изданию: Палладий, епископ Еленопольский. Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов. М., Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2003.

⁴ Пик активности рода Цезониев пришелся на III в., и упоминания представителей этой фамилии в источниках IV в. почти не встречаются. Луций Цезоний Овиний Манлий Руфиниан Басс (L. Caesonius Ovinus Manlius Rufinianus Bassus 18), префект Рима 285 г., еще, безусловно, был язычником, данных о религиозной принадлежности его сына Цезония Басса (Caesonius Bassus 12) не сохранилось. Дочь префекта вышла замуж за представителя семьи Анициев, таким образом, Цезонии вошли в более сильный клан, и их история продолжилась в рамках другой семьи.

⁵ Упоминаний о религиозной принадлежности семьи Нуммиев не так много. До нас дошла только спорная надпись о сенаторах, сделавших неизвестные платежи, предположительно, на финансирование установки статуи Геркулеса [Gatti, 1907, p. 115–121]. Среди них встречается имя Нуммия Туска (Nummius Tuscus 1) (C.I.L. VI. 37118), поэтому, вероятно, он был язычником. Никто из известных представителей семьи Нуммиев не принял христианство.

⁶ В IV в. фамилия Вириев все еще встречается в источниках. К примеру, Вирий Луп (Virius Lupus 6) был проконсулом Африки между 337 и 361 гг., однако все же расцвет семьи пришелся на III столетие. Также известно о нескольких консулярах Вириях (Вирий Галл (Virius Gallus) – корректор Кампании, консул 298 г.; Вирий Луп Викторин (Virius Lupus Victorinus 7) – консуляр Кампании в середине / конце IV в.; Вирий Турбон (Virius Turbo) – консуляр Кампании 361/363 гг.; Вирий Вибин (Virius Vibinus) – консуляр Кампании



Таким образом, «первая волна» принятия сенаторами христианства пришлось на середину – конец IV в. В этот момент обращение в новую веру происходило скорее добровольно. Остальные аристократы тоже пришли к христианству в течение V в. под все увеличивавшимся давлением со стороны императорских постановлений. Среди «старой аристократии» адептами религии Христа стали Аниции, Петронии, Валерии и Арадии, из «новой» – Цейонии Руфийи вместе с Цецинами Сабинами и Турции. Именно эти семьи и стали «лидерами» среди сенаторских фамилий в V и VI вв. В их ряды позже влились Деции, также исповедовавшие христианство. Остальные аристократы, так жадно боровшиеся за языческое наследие, постепенно сошли с исторической сцены, за исключением Флавианов – Симмахов, которые смогли в итоге адаптироваться к новым реалиям. Те же, кто придерживались веры предков, но в социальном и политическом отношении не были так сильны, как Флавианы – Симмахи, в дальнейшем все больше утрачивали свое положение.

Большинство сенаторов из «старой аристократии» остались язычниками, большинство *homines novi* приняли христианство. Вероятно, причина этого кроется в их различных модусах поведения. Новые сенаторы быстрее адаптировались к меняющейся религиозной ситуации, поскольку личные способности и политическая проницательность в недавнем прошлом позволили их предкам закрепиться у власти и заложить основу для возвышения своих потомков и вхождения их в круг высшей аристократии Рима. Они увидели в христианстве силу, которая дает возможность оставаться у власти и получать должности. Возможно, неосознанно эти аристократы-христиане дали такое преимущество своим потомкам, первоначально принимая христианство не по этой причине, а попав под увещевания менторов. Они близко общались со многими почитаемыми христианскими лидерами – Иеронимом Стридонским, Паулином Ноланским, Августином Блаженным. Во многом поэтому они так легко расставались со своим имуществом, следуя призывам популяризаторов отдать все Церкви или на благотворительность.

Приходится констатировать, что члены сенаторских родов немало поспособствовали своему «обеднению». Принявшие христианство в середине – конце IV в. часто завещали недвижимое имущество церкви, отдавали все имеющиеся в их распоряжении средства на благотворительность, в частности, строительство и реставрацию храмов, странноприимных домов, благотворительность. Вероятно, с нашей точки зрения, это могло выглядеть как понижение социального статуса, однако сами сенаторы-христиане так ситуацию вовсе не воспринимали, поскольку она соответствовала общим тенденциям времени и была продолжением практики римского светского патронажа.

Так поступил Паммахий, истратив свое состояние, оставшееся в его единоличном распоряжении после смерти жены Паулины, на благотворительность⁴. Он построил дом для странников в римском порту (Paul. Nol. Ep. 13)⁵. Марцелла вела аскетический образ

IV/V вв. О их религиозной принадлежности в надписях не сообщается). Однако семья до конца IV в. явно была языческой, поскольку ее представитель, Вирий Никомакх Флавиан (Virius Nicomachus Flavianus 15) известен своей борьбой за сохранение статуи Победы в здании сената и считается одним из лидеров «языческой оппозиции», до последнего отстаивавшей веру предков [O'Donnell, 1978, p. 129–143].

¹ Веттии почти наверняка оставались язычниками вплоть до конца IV в., поскольку Веттий Агорий Претекстат (Vettius Agorius Praetextatus I), занимавший многочисленные жреческие должности, являлся предшественником Никомакха Флавиана на «посту» главного хранителя религии отцов [Ведешкин, 2011, с. 26–34].

² Флавианы – Симмахи известны как истовые язычники, боровшиеся за сохранение статуи алтаря Победы [Казаков, 1995, с. 163–164].

³ Деции к моменту своего возвышения были уже христианами.

⁴ Часть жизни Паммахия была связана со светской властью: до 396 г. он либо номинально, либо действительно занимал должность проконсула Африки. После смерти своей жены Паулины Паммахий, вероятно, под влиянием Иеронима Стридонского, отошел от занятия государственных постов и сосредоточился на участии в церковной жизни (Jer. Ep. 66; Paul. Nol. Ep. 13; Pall. Hist. Laus. 62).

⁵ Помимо постройки странноприимного дома (*Xenodochium*) в Римском порту (*Portus Romae*) (Pall. Hist. Laus. 62) он также спонсировал строительство нартекса для базилики Св. Петра (Paul. Nol. 13) и в 398 г. титульной церкви (*tituli Pammachii*), располагавшейся на холме Целий (Rossi II. 150. n. 20), совр. базилика Santi Giovanni e Paolo al Celio. По поводу титульных церквей см.: [Hillner, 2007, 225–261].



жизни, основав монастырь у себя в доме на Авентине, в который, вкладывала все средства (Jer. Ep. 47.3; 127.5). Мелания, внучка Цейония Руфия Альбина, была яркой сторонницей христианского учения, часто отправлялась в паломничества по святым местам. Она владела собственностью в Испании, которую продала, отправившись на постоянное жительство в Палестину. Полученные от продажи деньги Мелания потратила на благотворительность и основание монастырей (Paul. Hist. Laus. 54). Заметим, что годовой ее доход до этого оценивался в 120 тыс. солидов (V. Mel. Gr. 15).

Нельзя сделать однозначный вывод о влиянии на процесс обеднения сенаторов исключительно принятия христианства. Безусловно, здесь стоит говорить о комплексе причин: утрата провинциальных имений в результате варварских вторжений, общее истощение ресурсов государства, повышение налогообложения, финансирование зрелищ для горожан, эвергетизм. Однако в целом тенденция вполне заметна, и она состоит в ухудшении имущественного благосостояния сенаторского сословия. Особенно четко она прослеживается среди семей, принявших христианство в «первой волне». Беда этих фамилий заключалась в одном – они слишком сблизилась с Отцами Церкви, горящими идеей отдать, раздать «все во славу Божию». Аристократия, принявшая эту идеологию, пренебрегала государственными должностями, самовольно оставляя свои посты; продавала свои имения. Подобные тенденции являлись продолжением традиций римского патроната, поэтому не вызывали отторжения. Однако в условиях кризиса императорской власти на Западе, институт светского патроната также оказался в кризисе, в то время как епископы делали все, чтобы пополнить в свои ряды богатых римских меценатов [Kalas, 2013, p. 300].

Более того, среди таких меценатов действительно довольно часто встречаются римские матроны, так что утверждение Марцеллина выглядит вполне правдоподобным. В качестве организаторов богаделен и покровительниц бедняков, больных и чужеземцев зажиточные женщины в средиземноморских городах получали высокий общественный статус, что чрезвычайно редко встречалось в любых иных сферах общественной жизни во времена поздней империи. Женщины быстро осознали, что новая религия позволяет им занять более весомое положение в обществе. Она сулила определенные перспективы. Об этом свидетельствует многочисленная переписка представительниц аристократических родов с Иеронимом Стридонским. Женщины смогли получить даже в некотором смысле богословское образование, занимались чтением книг (Jer. Ep. 87), обсуждали теологические вопросы, принимали просителей-христиан, основывали монастыри, вели миссионерскую работу (Paul. Hist. Laus. De Melania). Такая самостоятельность устраивала их гораздо больше, нежели место, которое им отводилось в религии языческой. Ведь, по большому счету, язычество – религия мужская, ориентированная на представителей сильного пола. Женщины принимали незначительное участие в отправлении культов, кроме некоторых специальных, вроде культа Весты, где жрицами-весталками были девушки. Но ведь их количество было очень незначительно среди общей массы женщин населения империи. В христианстве же женщины увидели некий социальный лифт, возможность занять более весомое общественное положение, чем они и воспользовались.

Женщины-христианки действительно поддерживали довольно тесные отношения с епископами. Покровитель бедных и защитник влиятельных женщин, которые всю свою энергию и все свое богатство отдавали служению Церкви, духовный наставник многочисленной группы вдов и дев, епископ приобрел значительный вес в античном городе IV века. По выражению В.И. Уколовой, «здесь [в Риме. – Е.З.] все благосклонней внимают христианским проповедникам вроде красноречивого блаженного Иеронима, у ног которого возлежат аристократические дамы, пожелавшие обрести вечную жизнь и спасение» [Уколова, 1992, с. 15].

Кроме того, в письмах Иеронима содержится прямой призыв к тому, что следует ограничить свои расходы, тратить на себя лишь минимальные средства, а оставшееся

должно пойти «во славу Божию», которым может распоряжаться епископ¹. Кроме того, епископ обращал свои взоры уже на всю семью, привлекая в лоно церкви супругов и детей своих адресатов, надеясь заполучить значительную часть их состояния. Иероним писал: «Ты скажешь: каким образом успею я присмотреть за всем этим – я, женщина светская, в таком многолюдстве, какое в Риме? В таком случае не бери на себя бремени, превышающего твои силы... отошли к бабке и тетке. Пусть она воспитывается в монастыре... Если пришьешь Павлу, даю торжественное обещание, что сам буду лично и учителем ее, и воспитателем»² (Jer. Ep. 127).

Таким образом, ухудшение материального благосостояния особенно заметно в семьях, принявших христианство в конце IV – начале V вв. Снижался социальный статус этих фамилий, изменялся их образ жизни и характер социального поведения, что в определенной степени было связано с их приобщением к новой религии. Попадая под влияние христианских идеологов, призывающих раздать имущество, аристократия частично отказывалась от карьерных устремлений, уходила с государственных должностей, продавала свои имения, сознательно упрощала условия повседневной жизни. Таким образом, для части сенаторского сословия принадлежность к политической элите оказывалась менее значимой, нежели включенность в религиозную и интеллектуальную жизнь, связанную с христианством. Принятие сенаторами новой веры в конце IV – начале V вв. способствовало их отказу от благ, получаемых от земной власти, в пользу общественного уважения к их морально-нравственному образу жизни и спасения собственной души.

Список литературы

1. Ващева И.Ю. 2012. Кризис римской идентичности в IV–VII вв. Вопросы истории, 10: 110–117.
2. Ващева И.Ю. 2012. «Церковные истории» IV–VII веков: динамика развития жанра. Проблемы истории, филологии и культуры, 2: 129–154.
3. Ведешкин М.А. 2011. Ветгий Агорий Претекстат и языческая оппозиция в римском сенате. Научные ведомости Белгородского государственного университета, 13: 26–34.
4. Ведешкин М.А. 2013. Языческая аристократия Рима и христианство (312–380 гг.). Классическая и византийская традиция. Белгород: 92–98.
5. Ведешкин М.А. 2018. Языческая оппозиция христианизации Римской империи: IV–VI вв. СПб., Алетей, 358.
6. Казаков М.М. 1995. Рим на пути от язычества к христианству. Алтарь Победы. ВДИ. 4: 161–174.
7. Казаков М.М. 1999. Христианская церковь и Римская империя в IV в. В кн.: Очерки истории христианской церкви в Европе (Античность, средние века, реформация). Смоленск, Смоленский гос. пед. ун-т: 24–44.
8. Ростовцев М.И. 2001. Общество и хозяйство Римской империи. Т. 2. Пер. с англ. М., Наука, 411. (Rostovtseff M. 1926. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, Oxford University Press, 695).

¹ Однако некоторые христиане сохраняли благоразумие в финансовых вопросах. Альбина, дочь Цейония Руфия Альбина, получив право на имущество от своего отца, передала его детям своего брата Гая Цейония Руфия Волузиана Лампадия (Jer. Ep. 32.2). Не ясно, какой характер носило наследство, можно предположить, что это было имение. Благодаря этому поступку Альбины собственность осталась внутри рода. Она же изначально даже попыталась поправить благосостояние семьи, выдав замуж дочь Марцеллу за Нерация Цереала (Neratius Cerealis 2). Однако дочь ослушалась и не захотела следовать воле матери. Вот как об этом говорит Иероним Стридонский: «Осиротевши после смерти отца, она через семь месяцев после брака лишилась и мужа. Когда Цереал (имя которого знаменито между консулами), по ее молодости, древности рода, чрезвычайной красоте тела (что обыкновенно особенно нравится мужчинам), а также по прекрасному характеру, усиленно домогался ее, когда он, уже старик, обещал ей свои богатства, желая как бы перевести на нее свое имение не как на жену, а как на дочь, и когда ее мать Альбина сильно желала такой сильной поддержки для своего вдовьего дома; то она отвечала: «Если б я желала выйти замуж и не захотела обречь себя на вечный позор, то я, конечно, искала бы мужа, а не наследства...» (Jer. Ep. 127.2.4).

² Письма Иеронима Стридонского цитируются по изданию: Иероним Стридонский. Творения. В 17 ч. Киев, 1879–1903.



9. Уильямс С. 2014. Диоклетиан: реставратор Римской империи. Пер. с англ. М., Евразия, 368. (Williams S. 1997. *Diocletian and the Roman Recovery*. New York; London, Routledge, 424).
10. Уколова В.И. 1992. Поздний Рим. Пять портретов. М., Наука, 130.
11. Шкаренков П.П. 2004. Римская империя в «эпоху упадка»: между мифом и реальностью. *Новый исторический вестник*. 2: 5–35.
12. *A New Topographical Dictionary of Ancient Rome*. Ed. by L. Richardson, Jr. Baltimore. London, Johns Hopkins University Press, 1992.
13. Arnheim M.T.W. 1972. *The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire*. Oxford, the Clarendon Press, 246.
14. Barbera M., Palladino S., Paterna C. 2008. La domus dei Valerii sul Celio alla luce delle recenti scoperte. *Papers of the British School at Rome*, 76: 75–98.
15. Barnes T.D. 1995. Statistics and the Conversion of the Roman Aristocracy. *The Journal of Roman Studies*. 85: 135–147.
16. Barnes T.D. 1975. Two Senators under Constantine. *The Journal of Roman Studies*. 65: 40–49.
17. Barnes T. D., Westal R. W. 1991. The Conversion of the Roman Aristocracy in Prudentius' «*Contra Symmachum*». *Phoenix*, 45 (1): 50–61.
18. Brown P. 1961. Aspects Christianization of the Roman Aristocracy. *The Journal of Roman studies*, 51 (1, 2): 1–11.
19. Brown P. 1971. *The World of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muchammad*. London, Thames & Hudson, 216.
20. Bruni M.G. 2009. *The Monumental Villa at Palazzi di Casignana and the Roman Elite in Calabria (Italy) during the Fourth Century AD*. Ph.D. USA, UC Berkeley, 315.
21. Cameron Al. 2012. Anician Myths. *Journal of the Roman Studies*, 102: 133–136.
22. Cameron Al. 1964. The Roman Friends of Ammianus. *The Journal of Roman Studies*, 54: 5–28.
23. Chenault R.R. 2008. *Rome without Emperors. The Revival of a Senatorial City in the Fourth Century CE*. PhD thesis, University of Michigan, 290.
24. Consolino F.E. 1989. Sante o patrone? Le aristocratiche tardoantiche e il potere della carita, *Studi storici* 4: 969–991.
25. Cracco Ruggini L. 2003. Rome in Late Antiquity: Clientship, Urban Topography, and Prosopography. *Classical Philology*, 98 (4): 366–382.
26. Curran J.R. 2000. *Pagan City and Christian Capital. Rome in the Fourth Century*. Oxford, the Clarendon Press, 389.
27. Dalton O.M. 1901. *Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from the Christian East in the Department of British and Mediaeval Antiquities and Ethnography of the British Museum*. London, Printed by order of the Trustees, 292.
28. Elm S. 1994. «*Virgins of God*»: The Making of Ascetism in Late Antiquity. Oxford, Clarendon Press, 443.
29. Gatti G. 1907. Frammento d'iscrizione: Spettante ad Una Grande Opera Publica. *Bulletino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*, 35: 115–121.
30. Harries J. 2003. Favor Populi: pagans, Christians and Public Entertainment in Late Antique Italy. In: *Bread and Circuses: Euergetism and Municipal Patronage in Roman Italy*. London; NY, Routledge, 125–141.
31. Hillner J. 2003. Domus, Family, and Inheritance: The Senatorial Family House in Late Antique Rome. *The Journal of Roman Studies*, 93: 129–145.
32. Hillner J. 2007. Families, Patronage, and the Titular Churches of Rome, c. 300 – c. 600. In: *Religion, Dynasty, and Patronage in Early Christian Rome, 300 – 900*. Cambridge, Cambridge University Press, 225–261.
33. Jones A., Martindale J.R. 1971. *The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume I A.D. 260–395*. Cambridge, The University of Cambridge Press, 1152.
34. Jones A., Martindale J.R. 1980. *The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume II A.D. 395–527*. Cambridge, The University of Cambridge Press, 1342.
35. Kalas G. 2013. Architecture and Elite Identity in Late Antique Rome: Appropriating the Past at Sant'Andrea Catabarbara. *Papers of the British School at Rome*, 81: 279–302.
36. Kohns H. P. 1975. Die Zeitkritik in den Romexkursen des Ammianus Marcellinus (Zu Amm. Marc. 14.6.3–26; 28.4.6–35). *Chiron*, 5: 485–491.
37. Mennen I. 2011. *Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284*. Leiden; Boston, Brill, 321.



38. Novak D.M. 1979. Constantine and the Senate: an Early Phase of the Christianization of the Roman Aristocracy. *Ancient Society*, 10: 271–310.
39. O'Donnell J. 1978. The Career of Virius Nicomachus Flavianus. *Phoenix*, 32: 129–143.
40. O'Donnell J. 1981. Liberius the Patrician. *Traditio*, 37: 136–141.
41. Pagans and Christians in Late Antique Rome: Conflict, Competition and Coexistence in the Fourth Century. Ed. by M.R. Salzman, M. Sághy, R.L. Testa. Cambridge, Cambridge University Press, 2016.
42. Salzman M. 2002. Making of Christian Aristocracy: Social and Religious Changes in the Western Roman Empire. Cambridge; Mass., Harvard University Press, 369.

References

1. Vashcheva I.Yu. 2012. Krizis rimskoy identichnosti v IV–VII vv. [The Crisis of Roman Identity in the IV – VII Centuries A. D.]. *Voprosy istorii*, 10: 110–117.
2. Vashcheva I.Yu. 2012. «Tserkovnye istorii» IV–VII vekov: dinamika razvitiya zhanra [«Church Stories» IV–VII Centuries A. D.: the Dynamics of the Genre]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury*, 2: 129–154.
3. Vedeshkin M.A. 2011. Vettiy Agoriy Pretekstat i yazycheskaya oppozitsiya v rimskom senate [Vettius Agorius Praetextatus and Pagan Opposition in the Roman Senate]. *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science*, 13: 26–34.
4. Vedeshkin M.A. 2013. Yazycheskaya aristokratiya Rima i khristianstvo (312–380 gg.) [The Pagan Aristocracy of Rome and Christianity (312–380)]. *Klassicheskaya i vizantiyskaya traditsiya. Belgorod*: 92–98.
5. Vedeshkin M.A. 2018. Yazycheskaya oppozitsiya khristianizatsii Rimskoy imperii: IV–VI vv. [Pagan Opposition to Christianization of the Roman Empire (IV–VI centuries A.D.)]. *Saint-Petersburg, Aleteyya*, 358.
6. Kazakov M.M. 1995. Rim na puti ot yazychestva k khristianstvu. Altar' Pobedy [Rome on the Way from Paganism to Christianity. Altar of Victory]. *VDI*. 4: 161–174.
7. Kazakov M.M. 1999. Khristianskaya tserkov' i Rimskaya imperiya v IV v. [Christian Church and Roman Empire in the 4th Century A. D.]. In: *Ocherki istorii khristianskoy tserkvi v Evrope (Antichnost', srednie veka, reformatsiya)* [Essays on the history of the Christian church in Europe (Antiquity, the Middle Ages, the Reformation)]. Smolensk, Smolenskiy gos. ped. un-t: 24–44.
8. Rostovtsev M.I. 2001. Obshchestvo i khozyaystvo Rimskoy imperii [Social and Economic History of the Roman Empire]. T. 2. Moscow, Nauka, 411. (Rostovtseff M. 1926. *The Social and Economic History of the Roman Empire*. Oxford, Oxford University Press, 695).
9. Uil'yams S. 2014. Diokletian: restavrator Rimskoy imperii [Diocletian and the Roman Recovery]. Moscow, Evraziya, 368. (Williams S. 1997. *Diocletian and the Roman Recovery*. New York; London, Routledge, 424).
10. Ukolova V.I. 1992. Pozdnyy Rim. Pyat' portretov [Late Rome. Five portraits]. Moscow, Nauka, 130.
11. Shkarenkov P.P. 2004. Rimskaya imperiya v «epokhu upadka»: mezhdru mifom i real'nost'yu [The Roman Empire in the «Era of Decline»: between Myth and Reality]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2: 5–35.
12. *A New Topographical Dictionary of Ancient Rome*. Ed. by L. Richardson, Jr. Baltimore. London, Johns Hopkins University Press, 1992.
13. Arnheim M.T.W. 1972. *The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire*. Oxford, the Clarendon Press, 246.
14. Barbera M., Palladino S., Paterna C. 2008. La domus dei Valerii sul Celio alla luce delle recenti scoperte. *Papers of the British School at Rome*, 76: 75–98.
15. Barnes T.D. 1995. Statistics and the Conversion of the Roman Aristocracy. *The Journal of Roman Studies*. 85: 135–147.
16. Barnes T.D. 1975. Two Senators under Constantine. *The Journal of Roman Studies*. 65: 40–49.
17. Barnes T. D., Westal R. W. 1991. The Conversion of the Roman Aristocracy in Prudentius' «Contra Symmachum». *Phoenix*, 45 (1): 50–61.
18. Brown P. 1961. Aspects Christianization of the Roman Aristocracy. *The Journal of Roman studies*, 51 (1, 2): 1–11.
19. Brown P. 1971. *The World of Late Antiquity: from Marcus Aurelius to Muchammad*. London, Thames & Hudson, 216.



20. Bruni M.G. 2009. The Monumental Villa at Palazzi di Casignana and the Roman Elite in Calabria (Italy) during the Fourth Century AD. Ph.D. USA, UC Berkeley, 315.
21. Cameron A.I. 2012. Anician Myths. *Journal of the Roman Studies*, 102: 133–136.
22. Cameron A.I. 1964. The Roman Friends of Ammianus. *The Journal of Roman Studies*, 54: 5–28.
23. Chenault R.R. 2008. Rome without Emperors. The Revival of a Senatorial City in the Fourth Century CE. PhD thesis, University of Michigan, 290.
24. Consolino F.E. 1989. Sante o patrone? Le aristocratiche tardoantiche e il potere della carita, *Studi storici* 4: 969–991.
25. Cracco Ruggini L. 2003. Rome in Late Antiquity: Clientship, Urban Topography, and Prosopography. *Classical Philology*, 98 (4): 366–382.
26. Curran J.R. 2000. Pagan City and Christian Capital. Rome in the Fourth Century. Oxford, the Clarendon Press, 389.
27. Dalton O.M. 1901. Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from the Christian East in the Department of British and Mediaeval Antiquities and Ethnography of the British Museum. London, Printed by order of the Trustees, 292.
28. Elm S. 1994. «Virgins of God»: The Making of Ascetism in Late Antiquity. Oxford, Clarendon Press, 443.
29. Gatti G. 1907. Frammento d'iscrizione: Spettante ad Una Grande Opera Publica. *Bulletino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*, 35: 115–121.
30. Harries J. 2003. Favor Populi: pagans, Christians and Public Entertainment in Late Antique Italy. In: *Bread and Circuses: Euergetism and Municipal Patronage in Roman Italy*. London; NY, Routledge, 125–141.
31. Hillner J. 2003. Domus, Family, and Inheritance: The Senatorial Family House in Late Antique Rome. *The Journal of Roman Studies*, 93: 129–145.
32. Hillner J. 2007. Families, Patronage, and the Titular Churches of Rome, c. 300 – c. 600. In: *Religion, Dynasty, and Patronage in Early Christian Rome, 300 – 900*. Cambridge, Cambridge University Press, 225–261.
33. Jones A., Martindale J.R. 1971. *The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume I A.D. 260–395*. Cambridge, The University of Cambridge Press, 1152.
34. Jones A., Martindale J.R. 1980. *The Prosopography of the Later Roman Empire: Volume II A.D. 395–527*. Cambridge, The University of Cambridge Press, 1342.
35. Kalas G. 2013. Architecture and Élite Identity in Late Antique Rome: Appropriating the Past at Sant'Andrea Catabarbara. *Papers of the British School at Rome*, 81: 279–302.
36. Kohns H. P. 1975. Die Zeitkritik in den Romexkursen des Ammianus Marcellinus (Zu Amm. Marc. 14.6.3–26; 28.4.6–35). *Chiron*, 5: 485–491.
37. Mennen I. 2011. *Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284*. Leiden; Boston, Brill, 321.
38. Novak D.M. 1979. Constantine and the Senate: an Early Phase of the Christianization of the Roman Aristocracy. *Ancient Society*, 10: 271–310.
39. O'Donnell J. 1978. The Career of Virius Nicomachus Flavianus. *Phoenix*, 32: 129–143.
40. O'Donnell J. 1981. Liberius the Patrician. *Traditio*, 37: 136–141.
41. *Pagans and Christians in Late Antique Rome: Conflict, Competition and Coexistence in the Fourth Century*. Ed. by M.R. Salzman, M. Sághy, R.L. Testa. Cambridge, Cambridge University Press, 2016.
42. Salzman M. 2002. *Making of Christian Aristocracy: Social and Religious Changes in the Western Roman Empire*. Cambridge; Mass., Harvard University Press, 369.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Зайцева Е.С. «In omnibus Deo bene placentes»: экономические стратегии поведения сенаторов-христиан IV–V вв. *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 431–442. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-431-442

Zaitseva E.S. «In omnibus Deo bene placentes»: economic behavior strategies of Christian senators of the 4th–5th centuries *Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science*. 2019. V 46. № 3. P. 431–442. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-431-442